

А. И. Лученюк¹

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ОСНОВЕ СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ СОЦИАЛЬНЫХ МАКРОГРУПП

Процессы международной кооперации определяются сложной системой экономических, политических и социокультурных отношений, что накладывает специфику на законодательство, касающееся деятельности интеграционных структур вообще и региональных объединений в частности.

Трудности правового регулирования деятельности региональных союзов обуславливаются прежде всего частой разнонаправленностью интересов стран-участниц таких союзов. Поэтому создаваемые интеграционные правовые нормы должны обеспечить согласование этих интересов. Но при этом возникает вопрос: о каких интересах следует вести речь — государственных или национальных? Ведь международные правовые акты подписываются от имени представителей государства. Но проблема в том, что в международных отношениях интересы государства выражает правящая элита страны, которую привели к власти определенные группы влияния. При смене власти политика государства по интеграционным вопросам может серьезно меняться. Поэтому отождествление национальных интересов с государственными не всегда оправдано. В основе внешнеэкономической интеграционной политики должны лежать национальные интересы, которые совпадают с государственными в том случае, если выражают интересы основных социальных групп, существующих в обществе.

Эти интересы целесообразно координировать на макроэкономическом уровне. В связи с этим в научный оборот целесообразно ввести термин «социальные макрогруппы» (СМГ), которые трактуются как объединения людей со специфической ролью в экономической деятельности, ориентированные на реализацию групповых и личных интересов членов группы с использованием законодательных и неформальных норм (институтов). Они, во-первых, агрегируют интересы членов СМГ с установлением иерархии интересов по степени приоритетности и выработкой на этой основе общегрупповых целей; во-вторых, выдвигают своих представителей в государственные структуры для реализации групповых интересов; в-третьих, используют средства массовой информации для пропаганды своих целей как в прямой, так и в завуали-

рованной форме. При этом выделяются следующие основные социальные макрогруппы, которые могут существенно влиять на интеграционные процессы: «Индустриально-промышленный комплекс», «Аграрно-продовольственный комплекс», «Банковско-финансовая система», «Домашние хозяйства» и др. Особняком стоит социальная макрогруппа «Государственная власть», которая объективно также имеет свои интересы, заключающиеся прежде всего в сохранении своих властных полномочий.

Интеграционные процессы будут успешно продолжаться до тех пор, пока объединенные общими интересами социальные макрогруппы, выигрывающие от интеграции, будут более влиятельны по сравнению с СМГ, не заинтересованными в углублении международной кооперации. Но практическая реализация интеграционных соглашений может прерваться в том случае, если они начнут серьезно противоречить интересам других влиятельных макрогрупп. Например, развитие торговых отношений с Россией является белорусским национальным интересом, поскольку устраивает практически все СМГ. В то же время попытки подписать соглашение о замене национальной белорусской валюты российским рублем оказались безрезультативными, поскольку это противоречило интересам государственной власти и национальной банковско-финансовой системы в сохранении суверенитета в денежно-кредитной и валютной сфере.

Таким образом, при подготовке правовых актов, регулирующих интеграционные процессы, целесообразно определить, кого на самом деле представляют подписанты соглашений: согласованную позицию основных социальных макрогрупп страны или отдельную СМГ, конфликтующую с другими влиятельными лоббистами? Во втором случае нужны дополнительные переговоры для учета мнения оппонентов — лишь в этом случае подписанные соглашения создадут надежную правовую базу для долговременного существования интеграционного объединения.

Следует также учитывать, что эффективность применения интеграционных правовых норм зависит не только от официально подписанных соглашений, но и от неформальных институтов, имеющих историческую и социокультурную специфику и в значительной степени определяющих характер институциональной матрицы — исторически сложившейся системы базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных подсистем — экономики, права, политики и идеологии. Институциональная матрица страны, в которой веками населением руководили абсолютные монархи, будет существенно отличаться от институциональной матрицы страны, граждане которой привыкли рассматривать государство как инструмент гарантирования их политических и экономических свобод. Мы согласны с подходом С. Г. Кирдиной, выделившей два вида институ-

¹ Заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси (Минск), доктор экономических наук, профессор. Автор 175 научных публикаций, в т. ч.: «Макроэкономические аспекты обеспечения сбалансированности национальной экономики» (в соавт.), «Макроэкономическое регулирование в условиях Единого экономического пространства» (в соавт.), «Институциональная и макроэкономическая политика», «Институциональные инструменты реформирования экономики», «Проблемы совершенствования белорусской институциональной системы», «Совершенствование институциональной матрицы белорусской экономической модели», «Влияние сокращения внутреннего спроса на развитие белорусской экономики» и др. Член Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь. Награжден почетными грамотами Министерства экономики, Высшей аттестационной комиссии, Президиума Национальной академии наук Беларуси и др.

циональных матриц¹. В одних странах (базирующихся на так называемой институциональной X-матрице) государство играет ведущую роль в регулировании экономических процессов, а в социокультурной сфере преобладает приоритет интересов государства над интересами отдельных личностей. Наиболее ярко такой подход выражен в Китае, Сингапуре и ряде других азиатских и латиноамериканских стран, а также в России, Казахстане и Беларуси. В других странах сформировались так называемые «контрактные» отношения между государством и обществом на основе институциональной Y-матрицы, при которых считается, что граждане страны заключили с государством договор на обслуживание их потребностей. К таким странам относятся США, члены ЕС, Канада, Австралия и др. В них преобладают отношения индивидуализма, а специфику системы государственного регулирования определяет приоритет рыночных отношений.

Соответственно нужно строить и правовую базу интеграционных процессов. Если в ЕС на интеграционную политику существенно влияет мнение широких слоев населения, которые, как в Великобритании, могут проголосовать за Brexit и власти им подчинятся,

то на пространстве ЕАЭС привычка исполнять решение властей делает такие инициативы маловероятными. В то же время значительная централизация властных функций в странах — участницах ЕАЭС и слабое влияние на власть СМГ «Домашние хозяйства» делают практически бесполезной интеграционную агитацию среди широких слоев населения.

Это означает, что импорт в Евразийский экономический союз правовых норм, действующих в Европейском Союзе и регулирующих участие населения в интеграционных процессах, необязательно будет эффективным из-за различий в менталитете. Поэтому законодательство ЕС для условий ЕАЭС должно быть существенно скорректировано с учетом большей централизации власти.

Таким образом, формирование правовых основ интеграционных процессов в ЕАЭС должно представлять собой не импорт западноевропейского законодательства, а создание оригинальной нормативно-правовой базы, учитывающей социокультурные особенности постсоветского менталитета и необходимость согласования национальных интересов на уровне социальных макрогрупп.

¹ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. 3-е изд., перераб., расшир. и ил. М. : СПБ. : Нестор-История, 2014. С. 66–78.